

Почему люди разные, когда человеческие ценности у всех одинаковые? Потому, видно, что шкала ценностей у каждого своя. Бывает, пережив нелёгкие времена, человек обретает необыкновенную остроту восприятия окружающего мира, с ног на голову переворачивается его представление о том, что важно и второстепенно. А если трудно было с самого начала, с детства, то очень многое в шкале ценностей располагается под одним и тем же номером – первым. Тогда буквально всё в жизни воспринимается, как дар высокой духовной ценности.

1959 г. Переделкино. Д. Блынский, А. Шилиев

Духовность... Слово, как дыхание – то, без чего нет жизни. Оно созвучно другому – вдохновение, и оба связаны с особым призыванием человека – поэзией. О таком человеке, поэте, для кого всё в жизни было несказанным даром, хочется говорить, творчество познавать – открывать шаг за шагом, словно чудесный архипелаг.

Поэт Анатолий Степанович Шилиев родился 6 февраля 1938 года в Орле. Когда окончилась Великая Отечественная война, мальчику было семь лет. Можно представить, какие воспоминания у ребёнка остались на всю жизнь самыми яркими, самыми острыми. Разруха, голод, нищета. Город освободили в 1943 году, – Анатолий Степанович мог помнить грохот освободительных боёв. Расспросить его о детстве я не могу, но вот стихотворение – моё любимое у Шилиева – почти ответ мне:

Яблоки

*Зреют яблоки, соком полнятся;
Но в пахучую пору эту
Мне другие яблоки помнятся
И совсем другое лето.
Берегами, заросшими рощами,
Весь в пыли и поту от похода
По разбитым дорогам Орловщины
Август шёл сорок третьего года.
У людей же улыбки радушные,
Будто нет ни разрухи, ни голода.
Площадь шумно людьми запружена,
Словно вышло с цветами лето,
И встречает сегодня дружно
Русских воинов гулом приветов.
Я стоял возле матери смирно,
От рассвета ёжился зябко...*

*Вдруг
Солдат в гимнастёрке застиранной
Протянул мне
Два спелых яблока.
Были яблоки крутобокие.
И, взглянув на весёлые лица,
Тот солдат улыбнулся и, окая,
Мне:
– Возьми. Отобрал у фрица.
Мне как будто сказать было нечего.
Я стоял и молчал, как рыба.
Только к матери жался застенчиво
И совсем забыл про «спасибо»...
Годы скачут, как белые лошади.
Я теперь вспоминаю часто,
Как тогда на гудящей площади
Ел я сочные яблоки счастья.*

Дом Шиляевых в Рабочем городке сгорел во время артобстрела. Мама, Евдокия Александровна, и четверо детей (Анатолий и его братья) остались без крова. Отец поэта – Степан Михайлович, командир сапёрной роты, долго считался пропавшим без вести, но позже выяснилось, что всё-таки погиб. Семья уезжает на заработки в город Чехов Сахалинской области, мама трудится на рыбозаводе. Через несколько лет Шиляевы возвращаются в родной Орёл. Невесёлая часть биографии, что говорить, но с неё начинается судьба поэта. Где-то здесь, в бедствовании и мытарствах зарождается, может быть, пока неосознанная тяга к творчеству.

Анатолию было семнадцать лет, когда в 1955 году газета «Орловский комсомолец» опубликовала его первые стихи.

С того времени судьба постоянно посылает одарённому юноше весточки о его жизненном предназначении. Творческие люди часто сомневаются в своём таланте, и как бы их ни убеждали, сомнения редко покидают талантливую душу. Зато судьба лучше их знает, что нужно, и подталкивает на правильный путь.

В Москве, во время службы в армии, кстати сказать, с 1958 по 1962 год, Анатолий

Шиляев подружился с поэтом Дмитрием Блыньским – одним из наиболее известных в России поэтов-орловцев. Тот впоследствии очень тепло отзывался о своём друге, видел его яркое поэтическое будущее.

А оно неуклонно становилось настоящим. После демобилизации Шиляев поступил на факультет журналистики МГУ, где познакомился с поэтом Николаем Старшиновым, руководителем университетского литературного объединения. Старшинов оценил творчество молодого поэта и посоветовал перевестись в Литературный институт имени М. Горького, который Анатолий и окончил в 1969 году.

Двадцать шестым октября 1968 года датирована рецензия на дипломную работу студента литинститута Анатолия Шиляева. Документ начинается словами: «Этот человек прочно стоит на земле, ощущает себя её частью, полон её силой, её историей». Ниже ещё: «Родную природу автор чувствует всем своим существом и умеет сказать о ней по-своему». Далее следует полный и беспристрастный разбор стихотворений, включённых в работу и в итоге сказано, что досадных мелочей не так много. Рецензия написана доброжелательно. Автор её, доцент Лев Ошанин (один из популярнейших поэтов-песенников XX века), предлагает защищать её уже осенью, не откладывая на весну, это значит, что, по его мнению, работа готова к защите. Второй рецензент, Владимир Туркин, руководитель семинара, о дипломной работе Шиляева пишет: «...лиричность, напевность-музыкальность стиха, не опрокидывающаяся в сентиментальность нежность к родной земле, к матери, к людям. Это стихи – задумчивого, мечтательного и доброго к жизни человека». «Анатолий Шиляев, по-моему, сейчас в той хорошей поре взросления и накопления пристальности, за которой неизбежно должна последовать большая глубина во всём его видении и письме. Да она уже овладевает им». Эта рецензия датирована сентябрём 1968 года.

В 1969 году Шиляев стал участником V Всесоюзного совещания молодых литераторов, где получил рекомендацию в члены Союза писателей СССР. В свет уже вышли две его книги – «Глубина сердца» (1966) и «Высокие деревья» (1968), стихи неоднократно публиковались в центральных периодических изданиях. И при этом Анатолий Степанович работал на Орловском радиоламповом заводе.

Согласно записи в трудовой книжке, с 1961 года Анатолий Шиляев работал разно-рабочим в строительно-монтажном управлении, отозван заводом п/я 12 (позже переименованным в Орловский электроламповый) со строительства и назначен учеником наладчика оборудования электровакуумного производства с направлением на учёбу в город Новосибирск, а после учёбы назначен наладчиком оборудования электровакуумного производства. В 1970-м году он становится мастером цеха № 3, где до тех пор трудился наладчиком.

Писательская стезя неумолима, она требует полной отдачи. С заводом пришлось расстаться. Следующая веха судьбы, теперь уже окончательно творческой, обозначилась в 1971 году, когда Шиляев был принят корреспондентом в редакцию газеты «Орловский комсомолец». Позже он недолго поработал консультантом Орловского областного общества охраны памятников истории и культуры, а с 1972 года назначен заведующим Бюро пропаганды художественной литературы при Орловской писательской организации. Эту работу поэту на время пришлось оставить в связи с избранием на должность секретаря Орловской писательской организации. И восстановлен в должности заведующего Бюро пропаганды он был в 1985 году.

Восьмидесятые годы – период, когда писатель востребован, годы творческих командировок во все уголки огромной страны. Анатолий Степанович в составе писательских делегаций побывал в республиках

Средней Азии, на Дальнем Востоке, республиках Закавказья, на стройках века, в частности, на строительстве Байкало-Амурской магистрали.

Анатолий Шиляев – автор семи поэтических книг. В 2018 году вышел поэтический сборник избранных произведений поэта «Над русской равниной».

За верстовыми столбиками жизненного пути всегда хочется разглядеть самого человека, понять какой он был, что любил, и что подвигало его к творчеству.

Душа поэта раскрывается в стихах, хочет он того или нет, ведь большой поэт всегда искренен, а других просто не бывает, другие, значит, не поэты. Прочтём стихотворение Анатолия Шиляева:

*А смерть, как жизнь,
Ни в чем не виновата,
Пускай ты даже к делу прикипел.
Она всегда приходит,
Как расплата,
За всё, что в жизни сделать не успел.*

Каким должен быть человек, написавший такие строки? Понимал ли он, какую неисповедимую правду отразил в страшно честных строках? Нам не дано до нужного часа знать, зачем приходит смерть. Но вопрос «зачем?» предполагает множество ответов людей разных профессий, устремлений, опыта, и все ответы – правда. У поэта же своя правда: «Как расплата/ За всё, что в жизни сделать не успел». И в то же время она – всеобщая. Такая стезя у писателя: находить квинтэссенцию правд. Пусть не истин, они известны только Богу, но – правд.

*А после – что?
До боли интересно.
Блуждает жар малиновый в золе.
Но остаются
Родина и песня,
А это очень много на земле.*

Такие слова – плод раздумий человека, непременным условием жизни которого яв-

ляются лес, костёр, небо, осень, река – всё, что называется белым светом, ведь наиглавнейшее таинство для рождённого на земле – обычная, непредсказуемая, недолгая, быть может, жизнь со всем её наполнением.

Думаю, пусть смерть приходит, как расплата, за то, что не успел, но судьба никогда не остаётся у человека в долгу, она всё возвращает ему так или иначе. Анатолий Шилев многое не успел написать. Но вслед за ним в мир пришёл мощный, самобытный поэт – его дочь, и теперь она размышляет в стихах над простыми и сложными вопросами бытия, восторгается красотой мира, любит и понимает тех, кто распротёртыми объятьями встречает жизнь во всех её проявлениях.

Согласился бы со мной поэт – не знаю, но верю: в лучшем мире давно известно всё, что мы могли бы сказать, и что бы нам ответили. Ушедшие лучше нас знают, насколько земная правда проста и добра. Нам бы, ныне здравствующим, это понять. Может, для того и рождаются у поэтов кристальные, бесхитростные слова:

*Моя земля.
Знакомы мне на ней
И даль полей,
И сена запах мятный...
Вдали она дороже и родней,
Вблизи она подробней и понятней.*

Почти философия. Потерянное под артобстрелами детство зарождает в человеке пронзительную любовь к родине, природе, что, в общем, неразделимо. Чистота пейзажного стиха у Шилева необыкновенна. Кто-то, может быть, уловит в них мотивы Дмитрия Блынского. Не соглашусь и возьму в союзники строки прекрасного стихотворения Анатолия Степановича:

*Стынет в синем холоде река,
Журавли над рожей отжурчали.
Старая дорога нелегка,
Но трудней, которая вначале.*

*Прошлое
поземка замела,
Но легко от утреннего света.
Песенка пропетая мила,
Но милей, которая не спета.
Содрогнётся от удара твердь.
Каждый выстрел грозен и опасен.
Пуля пролетевшая – не смерть.
Та страшней,
которая в запасе.*

Изумительное по ясности размышлений произведение, по глубине чувства, а значит, чистоте души. Тот, кто знает творчество Блынского, читая Шилева увидит, насколько разнятся поэтические почерки этих двух поэтов.

Анатолия Шилева помнят его соратники по творчеству – Виктор Садовский, Валентин Васичкин – удивительно скромным, сдержанным человеком. Это не потому ли, что нося в себе великое море раздумий, на дне которого покоятся острые ножи воспоминаний детства, жалости к растерзанной земле, сожжённому дому, трудам матери, человек склонен к некоей затаённости, к отрицанию суеты и поверхностности?

*Тот счастлив,
кто умеет замечать
под серый вечер
утренние краски.
На нем лежит младенчества
печать,
а наши дни стремительны
и кратки.
С далеких дней
храню одну мечту:
хочу среди забот и потрясений
и в некрасивом
видеть красоту,
и в декабре
увидеть день весенний.*

Родина, её поля, перелески, исковерканные в прошлом взрывными воронками,

будто чудовищными оспинами, ныне веселы и кудрявы, спокойно встречают рассветы всех времён года, величественны влюбом сезонном обличье, и поэт счастлив, что судьба дала время наглядеться на них:

*В моём краю
Лугами пахнет небо,
И небом пахнет белая вода.
Не только солнцем и высоким хлебом
Моя земля сильна и молода.
Она сильна рабочими руками
И молода улыбками людей.
И над её просторными лугами
Трубят знакомо стаи лебедей.*

Любовь своя и чужая, как явление, как духовная, философская категория – тоже источник вдохновения, источник творения стиха. Говорят, она не проходит с годами, а только преобразуется в нечто большее. Спорить не буду, но уверена в ином: любовь всегда остаётся любовью, иначе стоит говорить о каком-то другом чувстве. Да и что может быть больше неё?

*Но в мире слёз, любви и смеха
Я тайну эту разгадал,
И праздник моего успеха
По ветру унесли года.
Просохли слезы,
Смех растаял,
Но как и прежде, вновь и вновь,
Во мне, меня перерастая,
Живут надежда и любовь.*

Любовь мужчины и женщины – сокровеннейшая тайна, очертить которую словами нелегко, но иногда достаточно одной фразы, нескольких слов, среди которых, может, и нет самого слова «любовь», чтобы выразить чувство. «Они с мамой всегда скучали друг без друга, если случалось расставаться», – рассказывает дочь Анатолия Степановича Елена Анатольевна Машукова. Вот так, просто, безыскусно можно говорить о любви, а можно и так:

*Остановилось время или нет,
Когда передо мною ты явилась?
Мне кажется, оно остановилось,
Остановились музыка и свет.
И только сердце учащенно билось
Среди миров недвижных планет.
Свечение земное красоты
Среди забот, ошибок и понятий,
Среди моих обыденных занятий
На миг один остановила ты.*

Анатолий Степанович и его жена были знакомы с детства, с 14 лет. Никто тогда подумать не мог, что дружба, начавшаяся в детстве, продлится всю жизнь. Великое счастье для человека, когда любимый супруг ещё и преданный друг, понимающий и помогающий тебе, что бы ни случилось.

Материнскую любовь не уничтожат взрывы, не испугают лающие звуки иноземной вражеской речи. Мальчик, переживший смертельные испытания исключительно благодаря любви матери, помнит это и сам, повзрослев, излучает на родных любовь и заботу.

*Здравствуй, мама,
Я снова дома
Через много и зим, и лет.
Через боль и огонь надлома,
От которых спасенья нет.
Ты поймёшь и мои утраты,
И морицинки у серых глаз,
И холодную дань расплаты
Не в последний, не в первый раз.
Здравствуй, мама,
Моё начало
От рождения до конца.
Ты прости, что смотрю устало
Молодыми глазами отца.*

Немалую цену обретает в душе поэта чувство к ребёнку, своему первенцу – чуду, посланному природой не за что-то, а потому что. Потому что ты – человек, тоже крупница природы. Крупница и одновременно – целый космос.

Дочери

С нежностью отцовскою не слажу,
Доченьку Алёнушку мою
Тихо но головушке поглажу,
Ласковую песню напою.
Многого еще не понимая,
Ты смеёшься далям за рекой,
Каждый звук на веру принимая,
Каждый цветик трогая рукой.

Елена Машукова рассказывает: однажды, когда ей было лет тринадцать, они с отцом поехали в Ленинград. Ходили на Мойку 12, в дом-музей А.С. Пушкина, гуляли, много говорили обо всём, главное, о литературе. Это была запоминающаяся поездка. Впечатления не потускнели до сего дня. Девочка тогда впервые поняла, насколько она ценна для папы как личность, насколько важно для него то, что и для неё, включая Ленинград, три дня вдвоём с разговорами о Пушкине, поэзии и многом, многом ещё.

Какой изысканный, возвышенный подарок взрослому дочери.

«Папа рано доверил мне перепечатывать его рукописи», – вспоминает Елена Анатольевна.

Вот оно как... Речь тут не просто о доверии, – это позже, а сначала – внимательное, заинтересованное наблюдение за дочкой, за её формирующимися интересами. Как творческий, постоянно увлекаемый озарением в мир поэзии человек угадал, понял, распознал в школьнице бережное, интуитивное понимание ценности слова? Загадка...

«Я всегда понимала особенности внутреннего мира отца, его состояния. И он мой тоже», – утверждает дочь Шиляева. Она чувствует связь с отцом и сейчас. А мы твердим: отцы и дети – всегда антагонизм. Это верно отчасти: сначала, может быть, антагонизм, а потом – «яблоко от яблони», но только в том случае, если есть искренняя любовь в семье, не подменённая примитивной заботой о комфорте.

Девочка играла на рояле,
Как роса, прозрачна и ясна,
За плечами девочки стояла
Розовое утро и весна...
Девушка играла на рояле,
Трепетали яблони листвою.
Пальцы вдохновенные роняли
В синий август звуков торжество...
На рояле женщина играла,
Потрясая музыкой умы,
А в ресницах осень догорала
В долгом свете медленной зимы.

Творческий, глубоко чувствующий человек не мог не задумываться о том, чем заканчивается жизнь. Зачем она была дана во всей полноте трагизма и счастья? Неужели только затем, чтобы оборваться однажды просто, мгновенно, буднично...

Не знаю, кто где упадёт
И обо что свой лоб остудит,
Но знаю –
Кончится полёт,
И время всем судьёю будет...

В плену у времени и дела
И я дойду до своего
Незнаменитого предела,
Где не увижу ничего.
Останутся земля и небо,
И роица белая вдали,
И запах утреннего хлеба,
И над полями журавли –
Широкий мир, который вечен
В кругу земного бытия,
Зеленый день и синий вечер,
И даль знакомая моя,
И эта песня над холмами,
Летящая из старины,
Как память нежная о маме
С порывом собственной вины,
И жизни вечная основа,
На свет рожденная в тиши,
И недосказанное слово
Когда-то трепетной души.

Анатолию Шиляеву была дарована короткая жизнь. Не люблю слово «отпущена», словно судьба в белом фартуке буфетчицы отпускает душам годы на вес. Шиляев жил, осознавая высочайшую ценность жизни, значит, не мог не ощущать неизбежности. Если верно то, что поэт – всегда пророк, то раздумья о том, что там, за кругом жизни, разбудили, быть может, предчувствия собственного ухода. Как бы уже стоя на черте, глядя в глаза ушедших в мир иной и ныне здравствующих, Анатолий Степанович в 1987 году написал своему товарищу по перу:

В день 40-летия со дня рождения

Виктора Садовского

И вот опять спешу

на голоса

Друзей своих,

ушедших и живущих,

И узнаю знакомые глаза

Среди молчащих

и среди поющих.

Уносит время

прошлого черты

И дарит нам

морщины и седины.

В житейском шуме

вечной суеты

Мы все одним желанием едины.

Едины тем,

что впереди весна,

А позади –

одни воспоминанья,

И жизнь одна,

и Родина одна,

Но тяжек путь

и жизни

и познания.

Поэт погиб в автокатастрофе в 1987-м...

Про творческий поиск часто говорят:

«путь», «странствие». Анатолий Степанович не странствовал – он жил на Орловщине, словно в родимой хате, и если странствовал, то обходил, оглядывал внутренним взором знакомые с детства уголки, любясь ими, целуя каждый лепесток, травинку, облачко, да так тут и остался – растворился в родине,

обнял своей любовью, стал её тихим шёпотом, лёгким дыханием.

Уже настали солнечные годы,

Приходит ясной зрелости пора.

Чем ярче день, тем голубее воды,

Тем больше в жизни света и добра.

Пора и нам задуматься о прежнем,

Чтоб в будущее пристальней взглянуть,

И в океане шумном и безбрежном

Продолжить наш незавершённый путь.

Но вдруг

На повороте встрепенуться

И осознать до глубины души,

Что не вернуть уже и не вернуться,

Как ни желай

И как ты ни спеши.

И только путь останется единый

Неповторимый,

Как ты ни крути,

Туда, где и морщины, и седины

Поведают о прожитом пути.

Стихи Шиляева не только читают. Их поют. Поэт дружил с композитором Александром Крепких, который написал множество песен на слова друга-поэта. Думаю, это правильно. Стихи надо петь – словно пить родниковую воду, подражать птичьим трелям, окликать любимых, кому выпало продолжать жить без тебя.

И я читала стихи, слушала песни, разговаривала с дочерью поэта, братьями по перу, перед тем, как взяться за очерк, но меня не покидает ощущение, что я так и не написала об этом человеке чего-то важного, нужного, истинного.

Мне всё кажется, что Анатолий Шиляев таил в душе какую-то загадку, завёрнутую в молчаливую грусть, как давние письма в пергамент. Может, то и должно чувствовать, когда имеешь дело с искренней, глубокой поэзией? Значит, есть повод возвращаться к ней снова и снова.

Светлана ГОЛУБЕВА